

Александр Чебышев-Дмитриев

**О преступном действии по
русскому до-петровскому
праву**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Чебышев-Дмитриев**
О преступном действии по русскому до-петровскому праву / Александр Че-
бышев-Дмитриев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 242 с.

ISBN 978-5-518-10073-2

ISBN 978-5-518-10073-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТДѢЛЕНИЕ I.

ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

II. Съ внутренней разрозненностью, со взаимной враждебностью союзовъ являются Славянскія племена на сцену исторіи. Между Славянами — говоритъ Маврикій — господствуютъ постоянныя несогласія: что положить одни, на то не рѣшатся другіе; ни одинъ не хочетъ повиноваться другому и всѣ питаютъ другъ къ другу вражду. По словамъ Идриси, Руссы живутъ въ безпрестанныхъ войнахъ и спорахъ то между собою, то съ сосѣдями¹⁾. Подобныя извѣстія сообщаетъ и нашъ древнѣйшій лѣтописецъ²⁾. Извѣстія Несторовой лѣтописи восходятъ къ тому времени, когда русская земля не имѣла еще общаго названія. Изъ населявшихъ ее племенъ каждое называло свою сторону своимъ именемъ: Несторъ говоритъ, что по смерти Кія и его братьевъ «держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ; въ Деревлахъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новѣгородѣ, а другіе на Полотѣ иже Полочане». Племена отличались другъ отъ друга и степенью развитія и формами общественной жизни³⁾ и жили отдѣльной, замкнутой жизнью, разединенныя и враждебныя между собою. Мы знаемъ, что племена жили «особѣ», что каждое изъ нихъ имѣло «обычай и законъ отецъ своихъ кождо свой правъ», что Поляне были «обидими Древлѣми и ипѣми окольними». Внутри самихъ

---

1) *Магуса* Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ Славянъ. 1861, стр. 145. 155. 174.

2) *Поли. Собр. Лѣт.* т. I, стр. 5 и д.

3) *См. напр. Биллева Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика* (Врем. кн. VIII), стр. 55—40, 45—50, 55—54, 75—81.

племень господствовала такая же разрозненность: известно напр., что у Полян «жилъ кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, владѣя кождо родомъ своимъ»; у Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Вятичей существовалъ если не обычай, то остатокъ прежняго обычая похищать женъ.

Эта внутренняя разрозненность, враждебность представляет собою характеристическую черту и существенную принадлежность всѣхъ юныхъ обществъ ⁴⁾. По мѣрѣ развитія народа все болѣе и болѣе сливаются его разрозненные части: роды соединяются съ родами, общины съ общинами, племена съ племенами. Изъ разрозненныхъ, самостоятельныхъ частей складывается одно цѣлое — народъ, который, въ свою очередь, еще долго смотритъ враждебно на другіе народы, высказывая эту враждебность въ различныхъ ограниченіяхъ правъ иностранцевъ, въ *jus wildfangiatius*, въ *Strandrecht* (*droit de naufrage*), въ *jus albinagii* (*Fremdlingstrecht, droit d'aubaine*) и т. д.

На эту внутреннюю разрозненность самостоятельныхъ союзовъ въ юныхъ обществахъ криминалисты не всегда обращаютъ надлежащее вниманіе и чрезъ то получаютъ ошибочное понятіе о значеніи и характерѣ преступнаго дѣйствія въ то время. Этому много способствуетъ также и неправильное пониманіе какъ догосударственного быта вообще, такъ и характера союзовъ въ первичныхъ обществахъ.

Обыкновенно думаютъ, что въ первичномъ обществѣ преступленіе было чисто частнымъ дѣломъ, подобно гражданскому правонарушенію и въ подтвержденіе этого мнѣнія указываютъ на

---

4) Подобное явленіе представляетъ намъ и бытъ древнихъ Германцевъ. У нихъ напр. (*Германскаго Сочиненія*, т. I, стр. 152—155) каждый родъ жилъ на общей землѣ, маркѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, болотомъ, или иной естественной границей. „Это — граница рода: на нее положено заклятіе. Ее охраняютъ языческіе боги (являющіеся демонами послѣ введенія христіанства) и безчеловѣчно жестока наказанія. Смерть ожидаетъ инородца, самовольно переступающаго заветный рубежъ. Земля марки окружена гибелью, по словамъ древней пѣсни“ *Wilda, das Strafrecht der Germanen. 1842, стр. 116 и далѣе.*

то, что преступленіе влекло за собою только месть обиженнаго, его семьи, рода. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что въ первичномъ обществѣ роды, общины представляютъ собою самостоятельныя, автократическія и автономическія союзы, такъ что уголовное право, по выраженію одного писателя⁵⁾, бываетъ въ то время правомъ войны. Конечно, оскорбленіе, причиненное члену чужаго союза, не считалось преступленіемъ. Но члены того союза, къ которому принадлежалъ оскорбленный, считали долгомъ мстить за него. Мщеніе производилось или въ интересѣ обиженнаго лица, какъ это было у Германцевъ⁶⁾, или же месть считалась за религиозную обязанность⁷⁾ — это все равно. Но какъ святой, непрелѣнный долгъ, месть укрѣплялась въ народѣ страхомъ и почетомъ: неисполнившій этаго долга, по понятіямъ того времени, навлекалъ на себя общее презрѣніе, гнѣвъ божества, или замогильный гнѣвъ неотомщеннаго покойника. Характеръ первичныхъ союзовъ⁸⁾ несомнѣнно указываетъ на то, что обязанность мстить можетъ лежать не только на семействѣ или на родѣ обиженнаго, но и на всемъ его союзѣ, если этотъ союзъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько семействъ, или родовъ. Въ союзахъ первичныхъ обществъ мы видимъ такую тѣсную связь между членами, какая не можетъ существовать въ государствѣ. Связь, на которой основываются союзы первичныхъ обществъ, охватываетъ всю жизнь челоука. У сочленовъ все общее: и счастье, и несчастье, и побѣда, и пораженіе. Слава союза отражается на каждомъ его членѣ и, наоборотъ, то или другое дѣйствіе каждаго члена бросаетъ свѣтъ или тѣнь на весь его союзъ. Поэтому союзъ принимаетъ живѣйшее участіе въ дѣйствіяхъ и судьбѣ каждаго изъ своихъ чле-

---

5) Rogge, über das Gerichtswesen der Germanen. 1820, стр. 5.

6) Wilda, стр. 150, 170.

7) Таково славянское воззрѣніе на месть, по мнѣнію г. *Иванисова*; см. О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою виною. 1840, стр. 51—52, 35, 54, 61, 67.

8) См. объ этомъ Ihering, Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. т. I (1852 г.), стр. 162 и д. 219 и д.

новъ. Въ тѣснѣйшей, неразрывной, всецѣлой связи съ своимъ союзомъ выступаетъ человекъ въ исторіи. Отсюда понятно, почему напр. у Германцевъ, мы встречаемъ общественныя обязанности чисто нравственнаго свойства, напр. мы видимъ сосѣдскую обязанность огораживать свои поля для огражденія сосѣднихъ, обязанность гостепріимства, обязанность помогать бѣднымъ, обязанность погребать найденный трупъ⁹⁾ и т. п. Смѣшенію права и нравственности въ первичныхъ обществахъ много способствовало семейный характеръ тогдашнихъ союзовъ, а тѣснѣйшей, какъ-бы кровной связи между сочленами союзовъ много способствовало то обстоятельство, что только тотъ могъ имѣть право, только тотъ считался лицомъ правоспособнымъ, кто принадлежалъ къ союзу; въ союза онъ былъ ничто: поэтому у Римлянъ, какъ говоритъ Игерингъ, «Gentilität und volle Rechtsfähigkeit, Nicht — Gentilität und volle Rechtslosigkeit ist ursprünglich gleichbedeutend¹⁰⁾». Надъ безправнымъ членомъ чужаго союза нельзя было совершить преступленія, а слѣд. и месть чужаго союза была только фактомъ, а не правомъ: отъ того-то у Германцевъ, когда месть замѣнилась выкупами, родственники иностранца не имѣли права на плату. Человѣка непринявшаго ни къ какому союзу можно было убить безнаказанно; поэтому Русская Правда не назначаетъ виры quo costetъ и по мертвици, оже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его.

Что таково дѣйствительно было до-княжескій бытъ Россіи,— доказываетъ послѣдующая русская исторія. Слѣды прежней племенной разрозненности сохраняются съ такой силой, что одинъ изъ русскихъ историковъ — юристовъ уже давно высказалъ мысль, что разрозненность эта если не была одною изъ причинъ раздѣ-

---

9) Wilda, стр. 141—142.

10) Geist, I, стр. 220—221. „Es ist (прибавляетъ Игерингъ) ein seltsames Spiel des Zufalls, dass „egens“ gerade das Loos des „exgens“ ausdrückt, und die Römer leiteten wirklich „egens“ von „gens“ ab,—eine Ableitung, die wenn sie richtig wäre, für jene Anschauung ebenso bezeichnend wäre, wie im Deutschland das Wort Elend (Ausland). Eine unzweifelhafte Spur jener Anschauung hat uns die Sprache in dem Wort „hostis“ erhalten, es bedeutet ursprünglich den Gast, den Fremden, und den Feind“.

ленія древней Россіи, то ею по крайней мѣрѣ преимущественно поддерживалась такъ долго удѣльная система¹¹⁾. Слѣды разрозненности внутри самихъ племенъ ясно видны въ распоряженіяхъ Русской Правды¹²⁾ и сохранились до позднѣйшаго времени въ обычаяхъ, по которому выходъ челоуѣка изъ общины былъ вполне свободенъ, но община, въ которую онъ желалъ войти, не принимала его, если онъ не представлялъ своихъ знатковъ и знакомцевъ¹³⁾; въ язвительныхъ эпитетахъ, которыми различныя общины характеризовали другъ — друга, въ таможенныхъ пошлинахъ, величина которыхъ измѣнялась смотря по мѣстожительству плательщика¹⁴⁾ и т. д.¹⁵⁾.

Но если разрозненность между племенами и союзами въ докняжеское время есть фактъ, не подлежащій основательному сомнѣнію, — то несомнѣнно и то, что въ эпоху передъ призваніемъ князей Русскіе Славяне находились на такой ступени развитія, что разрозненность не господствовала во всей своей строгости и необходимость единенія, взаимнаго признанія правоспособности чувствовалась сильно, какъ это показываетъ призваніе варяжскихъ князей. Исторія застаётъ Славянъ въ ту эпоху, когда единство приобрѣтало все болѣе и болѣе силы, а внутренняя крѣпость, родственныи характеръ союзовъ ослабѣвалъ. Потребность единенія должна была съ особой силой чувствоваться сѣверными племенами, которыя стояли на высшей степени развитія и оближенію которыхъ безъ сомнѣнія много способствовало варяжское иго и сверженіе его

---

11) И. Д. Биллеа въ стат. О Исторической лѣтописи (Чтенія Общ. И. и Др. 1847 № 5). Ср. Хомякова Сочиненія, т. I, стр. 221 и д.

12) Подробно объ этомъ см. ниже § III.

13) Лешова Русскій народъ и государство. 1858, стр. 546.

14) Осокина Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи. 1850, стр. 51—52. „При взиманіи головщины въ какомъ либо городѣ дѣлали обыкновенно различіе относительно ея величины между жителями того города, иногородцами и чужеземцами. . . . Даже между жителями одного и того же уѣзда брали менше головщины съ ближайшихъ, чѣмъ отдаленныхъ“.

15) Костомарова О федеративномъ началѣ въ древней Россіи (Основн. 1861, № 1). Щанова Велико-русскія области и смутное время (Отъ З. 1861, № 10).

общими силами этихъ племенъ, Но къ полному сближенію, окончательному сліянію внутри себя, а тѣмъ болѣе между собою племена были неспособны. Половинное сближеніе естественно должно было усилить вражды. Каждый союзъ требовалъ отъ другаго полнаго признанія своихъ правъ, требовалъ для себя права на месть, искалъ для себя правды, — и въ тоже время не могъ признать этихъ правъ за другими. Объ этомъ—то кризисѣ, повлекшемъ за собою окончательное сліяніе, говоритъ Несторъ: «и не бѣ въ нихъ правды, и *оста* родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати *ноча* сами на сая»¹⁶⁾. Весьма различно объясняютъ писатели причины этой вражды¹⁷⁾, но всѣ они согласны между собою въ

16) П. С. Л. I. стр. 8.

17) Укажу мнѣнія нѣкоторыхъ. *Буллесъ* (Русск. земля, стр. 101—103) говоритъ, что общинныя начала стали оказываться несостоятельными, когда племена разрослись и обогатились торговлею и завоеваніями. У Новгородцевъ и Кривичей частныя общины были слишкомъ самостоятельны и соединялись другъ съ другомъ только взаимными выгодами, а выгоды эти подвержены частымъ измѣненіямъ и всегда слабѣе выгодъ каждой общины въ частности. Связь общинъ такимъ образомъ не могла быть прочной и давала поводъ къ ссорамъ и междоусобіямъ, при чемъ правды, уступчивости и подчиненія нельзя было ожидать. Новгородцамъ, Кривичамъ и Чуди оставалось искать себѣ судью и рѣшителя общественныхъ распрій, — безпристрастнаго, одинаково всеми уважаемаго и имѣющаго достаточную силу въ случаѣ нужды принудить къ повиновенію своихъ рѣшеніямъ. *Кавелинъ* (Сочиненія. 1859, т. II, стр. 221—228) думаетъ, что ссоры и междоусобія неизбежны въ обществѣ преимущественно патріархальномъ, когда въ немъ нѣтъ главы, старѣйшины. Всего естественнѣе возничаютъ раздоры при избраніи старѣйшины. Взаимная зависть родовъ дѣлаетъ невозможнымъ избраніе кого либо изъ своей среды. Естественно, что прибѣгаютъ къ избранію лица совершенно посторонняго, равно чужаго для всехъ избирающихъ. *Карамзинъ* (И. Г. Р., изд. Эйнерл., т. I, стр. 67—68) полагаетъ, что Варяги, овладѣвшіе странами Новгородцевъ и Чуди и образовавшие болѣе послѣднихъ, сообщили имъ нѣкоторыя выгоды новой промышленности и торговли. Болре, по наущенію которыхъ свергнуто было варяжское иго, не успѣли по своимъ личнымъ распрямъ сохранить заведенный Варягами порядокъ. Граждане вспомнили о выгодномъ и спокойномъ правленіи Норманновъ и призвали Рюрика съ братьями. *Лешковъ* (Речь о древн. Русск. Дипл. 1847, стр. 6—9): Причиной вражды между племенами, кромѣ племенныхъ, сосѣднихъ несогласій, была добыча, дань, которую племена искали внутри себя, въ своихъ предѣлахъ, и которая раздѣляла и ослабляла ихъ. Сѣверныя племена соединились для изгнанія Варяговъ, но за тѣмъ связь между племенами и родами опять распалась и прежнія усобицы начались съ прежней силой. Внутри себя племена и роды не находили никакихъ условій порядка и потому обратились къ Варягамъ. Задача призванныхъ князей состояла въ томъ, чтобы уста-

томъ, что племена не могли умириться внутри себя и между собою, своими собственными силами¹⁸⁾. И вотъ Новгородцы, Чудь и Кривичи рѣшились призвать отъ Варяговъ князя, который бы княжилъ и владѣлъ ими. Княжеская власть была для нихъ той общей властью, тѣмъ связующимъ элементомъ, котораго они не могли выработать изъ самихъ себя.

Обращаясь къ уголовному праву, спросимъ себя: какія измѣненія произошли въ немъ чрезъ призваніе князей?

Месть, которая была если не единственной, то несомненно одной изъ главнѣйшихъ причинъ вражды между племенами, приходила вѣроятно въ упадокъ передъ призваніемъ князей. По крайней мѣрѣ ни въ одномъ дошедшемъ до насъ памятникѣ мы не видимъ господства мести во всей ея полнотѣ. По договорамъ Олега и Игоря съ Греками месть уже конкурируетъ съ денежными выкупами¹⁹⁾ По Русской Правдѣ, въ случаѣ тѣлесныхъ поврежденій, дается право на месть только самому обиженному;

новить въ Россіи особую власть—общую, которая не могла развиться ни въ одной части Россіи изъ элементовъ чисто русскихъ. *Соловьевъ* (Публ. лекціи: Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра В. 1851, стр. 14—17): Автописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько родовъ, поселившихся вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общей жизнью въ слѣдствіе усобицъ. Нужно было постороннее начало, которое бы условливало возможность жить вмѣстѣ. Племена знали по опыту, что миръ, нарядъ возможенъ только тогда, когда все живущіе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ,—чего можно было достигнуть только тогда, когда этотъ старшина, князь не принадлежалъ ни къ одному роду. *Эверсъ* (Предв. крит. изслѣдованія для Росс. Исторіи. 1826, стр. 51—55) утверждаетъ, что это варяжское казалося Новгородцамъ и ихъ сосѣдамъ несноснымъ и они пришли къ убѣжденію, что только будучи между собою въ союзѣ могутъ учинить счастливый отпоръ вѣншимъ испріятелямъ. Для совершеннаго искорененія семени раздоровъ—ревности къ владычеству, союзники отказались отъ всѣхъ притязаній на управление и, согласившись лучше передать оное чужестранцу, отъ котораго наименѣе можно было ожидать пристрастія, они такимъ образомъ предпочли безопасное подданство опасной свободѣ.

18) Изъ новѣйшихъ историковъ и юристовъ, сколько мнѣ известно одинъ *М. П. Погодинъ* (Зам. изслѣд. и лекціи по Русск. Истор. 1846, т III, стр. 57—59) думаетъ, что Новгородскіе Славяне и ихъ сосѣди желали имѣть въ князѣ только вѣншняго защитника. Ошибочность такого взгляда достаточно показана г. *Касселинымъ* (Сочиненія, II, 221—227).

19) „Аще ли убъжить сотворивый убійство, и аще будетъ имовить: да возмутъ имъице его ближній убійсннаго“.

месть замѣняется выкупомъ, если онъ «себе не можетъ мстити»²⁰⁾. Нѣтъ никакого достаточнаго основанія предполагать, чтобы въ этихъ случаяхъ мечь была ограничиваема волей законодателя, а не приходила въ упадокъ силой жизни. Можно съ полной достовѣрностью предполагать, что зло состояло не въ мести и не отъ нея искали спасенія у варяжскихъ князей. Мечь между членами одного и того же союза была правомъ со всѣми выходящими отсюда послѣдствіями: она осуществлялась въ предѣлахъ справедливости и не зависѣла вполне отъ воли мстителей, какъ это видно напр. изъ слѣдующей статьи Правды, которую нѣтъ основанія считать новымъ установленіемъ Ярослава: «Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока челоуѣку тому; аще не боудеть на немъ знаменія никоторого же, то ли придетъ видокъ; аще ли не можетъ мстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ»²¹⁾. Изъ этой статьи видно, что право на мечь и на плату обиженный получалъ только тогда, когда представлялъ доказательства нанесенной ему обиды, безъ чего «тоу тому конецъ», и если бы онъ вздумалъ мстити, то его дѣйствіе дало бы право на обратную мечь обидчика. Подобное же, безъ сомнѣнія изстаринное ограниченіе встрѣчается въ Русской Правдѣ относительно самоуправства: «Аще познаеть кто не сметь его то не рци ему мое нъ рци ему тако поиди на сводъ гдѣ еси взялъ»²²⁾.

---

20) Ст. 2 сп. акад. Если выраженіе ст. СХІІ Р. Пр.: „тогда чада смирять“ означать, что дети мстили за изувѣченіе отца, — то слѣдъ въ случаѣ важнѣйшихъ тѣлесныхъ поврежденій мстилъ не одинъ обиженный. Такъ обыкновенно понимаютъ это мѣсто (см. *Эверс*, 511, 522. *Ланс*, 145). Н. В. *Калачевъ* (Арх. Ист. Юр. т. III, отд. 4, стр. 20) думаетъ, что здѣсь идетъ дѣло не о мести дѣтей, а о правѣ защиты отца противъ дѣтей своихъ, которые въ то время, при господствѣ физической силы, легко могли выходить изъ повиновенія изувѣченному отцу. — Которое изъ этихъ двухъ предположеній справедливо? — рѣшить трудно.

21) Такъ было и у Германцевъ. *Koestlin, Geschichte des deutschen Strafrechts im Umriss*, 1858. стр. 64: „Allerdings ist weder die Rache, soweit sie gestattet ist, bloße Sache der Willkühr, noch tritt das Gericht bei der Busze bloß vermittelnd auf; sondern die Rache musz entweder durch vorgängige Friedenskündigung von Seiten des Gerichts gerechtfertigt sein, oder sie musz, wenn sie dem Urtheil voranging, hinterher vor dem Gerichte gerechtfertigt werden.“

22) Ст. СХХV.

Зло состояло не въ безграничности мести, не въ господствѣ грубой силой: внутри союзовъ первичнаго общества, какъ мы увидимъ, юридическая народная воля осуществляется въ матеріальномъ отношеніи точно также, какъ и въ послѣдствіи, при посредствѣ государственной власти. Зло состояло въ томъ, что если оскорбленіе было нанесено члену чужаго союза, то союзъ оскорбителя не видѣлъ въ этомъ дѣйствіи преступленія, а слѣд. и не признавалъ за обиженнымъ и его союзомъ права мести. Только нарушеніе права обуславливало собою право мести, а такъ какъ членъ чужаго союза считался безправнымъ, то понятно, что месть (какъ право) за него не имѣла мѣста, потому что оскорбленіе его не признавалось за правонарушеніе сочленами оскорбителя.

Такой порядокъ вещей долженъ былъ прекратиться съ призваніемъ князей, съ установленіемъ общей власти, съ сліяніемъ союзовъ и племень русскаго народа. Съ этихъ поръ оскорбленіе члена какаго-бы то ни было союза является преступленіемъ. Превъжая междусоюзная месть прекращается, замѣняясь вирою, которая идетъ князю, общей власти, общему мстителю. Осталась только месть ближайшихъ родственниковъ убитаго, которая имѣла мѣсто внутри союзовъ. Какъ прежде весь союзъ защищалъ своего провинившагося члена, если не хотѣлъ отказать ему въ помощи противъ мстителей, или предать его потоку и разграбленію, — такъ теперь онъ участвуетъ въ платежѣ виры. Какъ прежде каждый членъ союза вкладывался своими физическими силами для защиты своихъ сочленовъ, такъ теперь онъ вкладывается деньгами для уплаты виры и только подъ этимъ условіемъ получаетъ право на помощь со стороны своего союза ²⁵). Что касается до частнаго удовлетворенія обиженному и его родственникамъ, — то какъ прежде оно имѣло мѣсто только между сочленами союзовъ и конечно выплачивалось однимъ преступникомъ, — такъ и теперь головщина и вообще частное удовлетвореніе выпла-

---

25) Ст. ХС: „Аже кто не вложится въ дикую виру тому людье не помогаютъ нъ самъ платитъ“.

чивается самым преступником²⁴). Какъ прежде, въ до-княжеское время только тотъ являлся правоспособнымъ субъектомъ, кто принадлежалъ къ извѣстному союзу, — такъ и теперь вира не платилась «по костѣхъ и по мертвечи, ажо имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его»²⁵).

Кажется, что только глядя на дѣло съ этой точки зрѣнія, можно правильно и естественно объяснить распоряженія Правды о мести, вирахъ, головщинѣ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ первой ея статьѣ: «Оубьеть моужъ моужа, то мьститъ брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чадоу, любо сестрину сынови. Аще не будетъ кто мьста, то 40 гривенъ за голову». Всѣ почти изслѣдователи согласны, что эта статья ограничиваетъ кругъ лицъ, имѣющихъ право мести. Это вполне справедливо. Въ чемъ же именно состояло ограниченіе, у кого отнято право мести? Обыкновенно думаютъ, что Правда отказала въ правѣ мести роду и признавала его только за ближайшими родственниками убитаго²⁶). Но подобное предположеніе не имѣетъ достаточнаго основанія. Если исторія и застаётъ еще нѣкоторыя Славянскія племена въ бытѣ родовомъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что родовой бытъ, едва замѣтный для глазъ изслѣдователя, исчезъ безслѣдно на первыхъ же страницахъ русской исторіи и бытъ—по вѣрному замѣчанію К. С. Аксакова — для Русскихъ Славянъ «простою ступенью, чрезъ которую они прошли, въ противоположность другимъ народамъ, которые болѣе или менѣе остановились на немъ, формулировали, опредѣляли его явственно, съ большими или мень-

---

24) LXXXIX: „А головничество, а то самому головнику“.

25) Ст. CXXI.

26) *Денъ О наказаніяхъ существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича*. 1849, стр. 48—49. *Рейсъ Ист. рос. госуд. и гражд. законовъ*. 1856, стр. 88. *Эверсъ Древн. русск. право въ истор. его раскрытіи*. 1858, стр. 519. *Нововъ О Р. Пр. въ отношеніи къ уголовному праву*. 1841, стр. 37—58. *Власевъ О вивненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права*. 1860, стр. 148. Противоположнаго мнѣнія держатся гг. *Богдановскій* (Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго. 1857, стр. 10, 15), *Ланге* (Наслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. 1860, стр. 104).